

УДК 342

ГЕНЕЗИС ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА В СИБИРИ

The emergence of the agricultural in Siberia

Симачкова Н. Н., кандидат исторических наук, доцент
Уральского государственного аграрного университета
(Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, 42)

Рецензент: **Б.А. Воронин**, доктор юридических наук, профессор

Аннотация

В статье рассматривается проблема возникновения земледельческого хозяйства в Зауралье. Определяется роль первых администраторов Сибири в организации пашенного земледелия, освещаются проблемы, возникающие в процессе освоения сибирских земель и устройства пашни.

Ключевые слова: земледелие, пашенное хозяйство, переселенцы, пашенные люди, воевода, пахотные земли, Сибирь.

Abstract

The article deals with the problem of the origin of farming in the Urals. The role of the first administrators of Siberia in the organization of plow farming, highlights the problems encountered in the process of development of the Siberian land and the structure of arable land.

Keywords: agriculture, plow agriculture, displaced persons, plow people, the Governor, arable land, Siberia.

В процессе освоения русскими людьми территории Западной Сибири перед ними встала проблема создания социально-экономической инфраструктуры, в частности, заведение пашни. Данная задача была возложена на первых сибирских воевод, которые должны были организовать распределение земель между коренным и русским населением, организацию труд пашенных крестьян.

Встала проблема обеспечения населения продовольствием, в первую очередь хлебом. По словам С. В. Огородникова, “крайняя дороговизна доставки хлеба и сопряженные с нею значительные потери в людях и самих припасах побудили правительство приступить к скорейшему развитию земледелия в Сибири” [7, с. 12].

Специальных трудов, посвященных проблеме реализации поземельной политики местными воеводами в начальный период русской колонизации, в историографии

практически нет, поэтому в работе на основе историографического анализа и изучения источников проводится ретроспективный анализ данной проблемы. Актуальность данной темы определяется необходимостью, изучения генезиса начального периода освоения Зауралья в свете поиска новых форм хозяйствования в регионе. Практическая значимость связана с необходимостью выработки новых форм и методов землепользования в условиях современного социально-экономического развития.

Г.Ф. Миллер, упоминал о заведении пашни в Сибири и роли в этом первых московских воевод, но не останавливался на данной проблеме специально [6].

П.Н. Буцинский более подробно рассматривает экономический аспект русской колонизации в Сибири, в том числе вопросы становления земледелия, но деятельность местной администрации при этом рассматривается вскользь [3].

Другой выдающийся сибиревед С.В. Бахрушин, говоря о заведении пашни в Зауралье, рассматривает интересующий нас аспект колонизации края применительно лишь к XVIIв [3].

В обобщающем очерке “Русская государственная власть и сибирские инородцы в XVII-XVIII вв.” С.В. Огородников пишет о начале появления пашенного земледелия в Западной Сибири, но стремится определить место инородцев в данном процессе, опять-таки, попутно затрагивает деятельность администраторов первых уездов [2].

В работах В.И.Шункова, посвященных колонизации Зауралья в конце XVI - начале XVII вв., раскрывается история возникновения и развития сибирского земледелия. Но роль в этом процессе администраторов снова рассматривается мимоходом [7, с. 12].

В.И.Корецкий, проанализировавший правительственную политику относительно заведения в Сибири “государевой пашни”, специально на роли воевод как проводников этой политики также не останавливался [5]. В.И. Сергеев, рассматривавший начальный этап развития сибирских городов и острогов, их военное, административное, торговое и сельскохозяйственное значение, отмечал, что земледелие стало одной из причин интенсивного развития городов Зауралья, а там, где устройство пашни было затруднено, города еще долгое время оставались периферийными поселениями (например, Мангазея, Пелым, Тара). Однако и В.И. Сергеев о роли и функциях первых администраторов в решении данной проблемы только упоминает [9].

Большой вклад в изучение проблем становления экономической инфраструктуры Западной Сибири внес Я.Г. Солодкин, ряд работ была посвящена процессу цивилизационного освоения Западной Сибири. Но и Я.Г. Солодкин не останавливался на изучении вопроса становления земледельческого хозяйства предметно [10, с. 41-47].

Существуют немалые источниковые возможности для рассмотрения деятельности первых администраторов Западной Сибири по освоению пахотных земель. Сошлемся, в частности, на наказ основателю Пельма П.И. Горчакову (1593 г.), царские грамоты “на

Верхотурье” голове Г.С. Салманову (1601 г.), воеводе Н.О. Плещееву и голове М.С. Хлопову (1601 г.), отписки головы Туринского острога И. Лихарева (1603 г.) [4, 8]. Нужно отметить, что с самого начала в Западной Сибири стали складываться пашенные уезды, то есть с благоприятными условиями для земледелия, - Тюменский, Тобольский, Верхотурский. Такие же уезды, как Пелымский и Тарский, относились к малопашенным, а Сургутский, Березовский, Мангазейский уезды в силу неблагоприятных природно-климатических условий вообще были «непашенными».

Воеводам иногда не приходилось “заводить пашни”, так как и до этого у инородцев существовали небольшие пахотные земли, хотя хлебопашество было незначительным и не могло удовлетворить потребности русского населения края. Скорее всего, по предположению П.Н.Буцинского, русские воеводы поначалу воспользовались нивами коренных жителей края, разработав еще и новые участки [3, с. 88].

В дальнейшем завоеванные земли стали заселяться пашенными людьми. Так, в Тобольске сразу после его основания (1587 г.), стали заводить пашни, что было вызвано хозяйственной необходимостью.

Методы правительственной политики относительно заведения пашни и их реализация сибирскими воеводами практически едины на всей колонизируемой территории.

Так, П.И. Горчакову предписывалось после основания города на территории Пелымского княжества определить наиболее пригодные для пашни места: “...и земли на пашни высмотреть лучшие...” [8, Стб. 121]. Они предназначались для “государевой пашни”, обрабатывать которые должны были “жилецкие люди”, их воевода должен был устроить “на житье”. Ему предписывалось взять с собой “пермичей и столько же вятчан”, 9 ссыльных из Каргополя. Им и предстояло “пашню вскоре завести”. С собой в новый город пашенные люди должны были взять “одни лошади да семена на пашню, чем им пашню позавести” Воевода также должен был выдать переселенцам хлебное и денежное жалованье [8, Стб. 119].

В царской грамоте воеводе Н.О. Плещееву и голове М.С. Хлопову так же предписывается позаботиться об устройстве под Верхотурьем служилых людей “до заведения своей пашни”. Воевода должен был выдать им хлеб и семена, “чтоб им нужды не было”. Не следовало платить служилым хлебного жалованья, “чтоб они однолично себе пашню пахали”, соответственно, выплачивая еще и денежный оброк [4, с. 168].

Поначалу в Москве предполагали, что первые запашки будут небольшие. В наказе П.И. Горчакову так и говорится: “чем им пашни позавести сперва, хотя и не велика”. Связано это было с незначительным количеством людей, прибывающих в Сибирь, среди которых имелось немало ссыльных, совершенно не приспособленных к земледелию. Поэтому к обработке пахотных земель воеводам предписывалось привлекать и местное население. Так,

П.И. Горчаков “прибрал” на пашню 60 таборинских татар. Способы привлечения инородцев для запашки были различными. П.И. Горчакову, например, предписывалось с местного населения “не имать никакого оброку, ни соболей, а имать бы хлебом”, тем самым обязывая инородцев пахать землю. Для местных жителей, привыкших заниматься в основном промысловым хозяйством, это была тяжелая повинность [8, Стб. 120].

На воеводу возлагалась задача распределения пашенных земель и сенных покосов. В Москве понимали, что все еще сохранялась опасность со стороны инородцев, и поэтому предписывали распределять пахотные земли так, чтобы инородцам “в том тесноты не было” [1, с. 24]. Конфликты между инородцами и переселенцами должен был разрешить воевода, учитывая интересы и тех, и других. Так, в одной из грамот сказано, что татары стали красть сено с покосов переселенцев. Воеводе предписывалось разобраться в этом, определив новую землю для ямских охотников “от города недалече и от воинских людей жити безстрашно”, а татарам велеть, “приискав место”, косить сено, “где пригоже” [6, с. 187].

В Сибири ощущалась постоянная нехватка лошадей и инвентаря (“...и нашей пашни и своей пахать им не на чем..., а у пятидесяти человек лошадей нет”, – читаем в грамоте верхотурскому воеводе Н.О.Плещееву). Эта проблема решалась по-разному. Так, в наказе П.Горчакову говорится о том, что крестьяне должны были взять с собой на новые земли “одну лошадь да семена на пашню, чем им пашню позавести” [8, Стб. 121].

Конечно, это не решало задачу, связанную с обеспечением крестьян инвентарем. Позднее московское правительство предписывало воеводам покупать лошадей за казенный счет. Например, воевода Н.О.Плещеев в 1604 г. должен был приобрести лошадей и отправить их из Верхотурья в Туринский и Тюменский уезды, где ощущалась нехватка скота [4, с. 162].

Очень часто происходил массовый падеж скота, что, разумеется, приводило к трудностям в обработке пашни. Так, в грамоте голове А. Безобразову (1604 г.) предписывается купить в Казани 300 быков и бесплатно раздать их бедным крестьянам. Им разрешено было беспошлинно торговать лошадьми и другим скотом [6, с. 100].

Для того, чтобы в какой-то мере облегчить участь земледельцев в суровом краю, воеводы должны были своевременно реагировать на жалобы крестьян и по мере возможности помогать “пашенным людям”.

Голове Г.С. Салманову надлежало предоставить льготы пашенным крестьянам в связи с тем, что жалованье, которое было им выдано (“по двенадцать рублей человеку”), они истратили на покупку лошадей и “всякой пашенной снасти”, а также заплатили людям, которые помогли им косить сено, вдобавок ко всему все зерно, предназначенное для посева, вымерзло. Поэтому воеводе следовало “пожаловати, ...им дати льготы... и того бы хлеба, что

им дано на семена ржи и овса, имать не велети”. Но при этом в царской грамоте содержится четкое предписание: “...а пашню б еси им пахать велел по нашему указу...”

К сожалению, мы не можем проследить, как в данном случае воевода реализовал предписания относительно льгот для 16 челобитчиков (эти льготы касались не только пашенного земледелия, но и “всякого изделия”) [4, с. 98].

Воеводе не следовало взимать пошлины с приезжающих “на Верхотурье” пашенных крестьян. Так, в грамоте М.Львову сказано, чтобы воевода не брал пошлины с крестьян, которые везут с собой для запашки “сошники, косы, серпы и топоры и ножи...” [4, с. 100].

Конечно, данные предписания не всегда выполнялись полностью, иногда сибирская администрация допускала “насильства” и злоупотребления по отношению к переселенцам. Так, крестьяне М.Иванов и И.Михайлов, присланные в 1596-1597гг. из Устюжского уезда в Тобольск, жаловались на произвол сибирских администраторов Е. Бутурлина и В. Колединского, которые отобрали у них имущества на “двести на тридцать рублей с полтиной”. Кроме того, тобольский воевода Е. Бутурлин приказал М. Иванову вспахать на себя пять четвертей земли еще до того, как тот обработает полагавшуюся ему “государеву пашню”. При этом воевода всячески потакал тем, кто отказывался отдавать челобитчикам “приполон”, “вчинял на них напрасные иски, травил посеvy” [5, с. 43].

Главной целью властей было увеличение запашки, причем любыми способами. И не всегда тяжелое положение крестьян, принимались во внимание в столичных приказах.

Так, в 1596 г. в Москву была отправлена челобитная ссыльных московских посадских людей, которые раньше не занимались земледелием и просили “пожаловати, велети их от пашен отставити”. Эта челобитная была отклонена: пелымскому воеводе Б.И. Полеву было предписано челобитчикам велеть “на нас (государя – Н.С.) нашу пашню пахать по-прежнему”. Московские власти разрешили воеводе только увеличить выдачу хлеба ссыльным и давать займы хлеб особо нуждающимся [5, с. 41].

В.И. Корецкий справедливо отметил, что если в Москве и соглашались простить хлебную задолженность переселенцам и предоставить им определенные льготы, то в отношении “государевой пашни” занимали непреклонную позицию [5, с. 41].

Понятно, что в данной ситуации положение воевод было непростым. Порой просьбы освободить от пашни имели под собой основания, и Москва старалась учитывать условия для хлебопашества в каждом уезде. Там же, где оно было нецелесообразно, центральные власти шли навстречу местной администрации и переселенцам.

Так, в Пелымском уезде сразу же после заведения пашни обнаружилось трудности при обработке пашенных земель. Мы уже упоминали о просьбе московских посадских людей освободить их от возделывания пашни.

В 1599 г. была отправлена в Москву повторная челобитная от ясачных вогуличей и татар, которые также просили не привлекать их к обработке пашни (“мы, сироты твои государевы, твою государеву пашню пахали..., рожь сеяли, и мы ...лошади покупали, животишка свои и достальные истощали..., помираем голодною смертью” [8, Стб. 146].

В 1600 г. в Москву поступила челобитная от всех пашенных людей Пелыма, которые просили, чтобы государь освободил их от обработки прибавочной пашни и от уплаты заемного хлеба. И эту жалобу отклонили: челобитчикам было “велено пахать пашню по-прежнему и делать всякие государевы изделия по-прежнему” [3, с. 164].

Со временем московские власти решили прекратить разработку пахотных земель в Пелымском уезде, а тамошних крестьян перевести в более плодородные районы Сибири. Так, в грамоте верхотурским администраторам Н.О. Плещееву и М.С. Хлопову (1605г.) говорится, что в Пелыме было устроено тридцать пашенных крестьян, “а ухаивают хлеба мало, потому что де на Пелыме земля худа”. Поэтому М.С. Хлопову предписывалось определить пригодные для пашни места на “реке Мугуй и на реке на Тагил”, а также выяснить, насколько они удалены от Верхотурья, кто живет на этих землях, можно ли не опасаться нападения со стороны инородцев и как быстро можно устроить крестьян на новые места. В отписке головы Туринского острога И.Лихарева говорится о прибытии из Пелыма пашенных крестьян – пермичей и о выдаче им денег на обзаведение хозяйством. Таким образом, московское правительство стало понимать, что бесполезно держать в Пелыме крестьян, которые могли бы принести пользу в более плодородных районах [4, с. 163].

Однако не всякий раз в центре удавалось правильно оценить жалобы и просьбы пашенных крестьян, да и воеводы не всегда достоверно сообщали об обстановке на местах. В Тарском уезде, несмотря на плодородные земли, так и не удалось развить хлебопашество. По мнению П.Н. Бущинского, это было связано с неудачными опытами земледелия; кроме того, люди, прибывшие в уезд, были совершенно не приспособлены к хлебопашеству, а служилые почти круглый год находились в походах: то покоряли татар за Иртышом, то преследовали Кучума [3, с. 165]. Из отписки тарского воеводы следует, что пашенные крестьяне из Тетюш и Лаишева оказались плохими хлебопашцами: “пашут землю худо, хлеба на себя не напахивают, и их кормят их царских житниц”. Московское правительство сочло, что тарские земли неплодородны, и решило перевести тамошних крестьян в Туринск и другие места [3, с. 152].

Сибирским администраторам пришлось заниматься переселением крестьян. Н.О.Плещееву и М.С.Хлопову предписывалось “прибрать” служилых людей и пашенных крестьян в новый город Томск, где ощущалась нехватка людей. Томский воевода Г.Писемский сообщал в Москву, что из необходимых пятидесяти человек удалось “прибрать” на пашню только пять сургутян. Воеводе следовало в Томск “прибрать на

Верхотурье гулящих, охочих людей”, причем “молодцов молодых”, а не “старых и худых” [4, с. 167].

Таким образом, одной из непростых задач, решение которой возлагалось на сибирских воевод, являлось обеспечение подведомственных им уездов пашенными людьми. А ведь в Сибирь в основном прибывали ссыльные и “охочие до льгот” люди, которые нередко совсем не были приспособлены к земледелию, а пашенные крестьяне, переводимые из других, более плодородных районов, например, из Казани, отказывались “пахать государеву пашню” в суровых условиях Зауралья; инородцы же, привлекавшиеся для обработки государственной пашни, приносили мало пользы, хотя доставляли немало хлопот местной администрации.

Функции сибирских воевод по заведению пашни, с одной стороны, можно считать типичными (входившими в компетенцию администраторов и в Центральной России), а с другой стороны, реализовать их было несравнимо сложнее, что связано было с суровым климатом, с сохранявшейся военной опасностью со стороны инородцев, нехваткой людей и инвентаря, порой малоэффективной поземельной политикой правительства.

Библиографический список

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией имп. Академии наук. СПб., 1841. Т.2. С. 24.
2. *Бахрушин С.В.* Научные труды. М.,1955. Т.3.Ч.1.
3. *Буцинский П.Н.* Сочинения. Тюмень, 1999. Т.1,2.
4. Верхотурские грамоты конца XVI-начала XVII в. М.,1982. Вып.1. С. 81, 163.
5. *Корецкий В.И.* Из истории заселения Сибири накануне и во время “смуты” (конец XVI - начало XVII вв.) // Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма). М.,1973.
6. *Миллер Г.Ф.* Описание Сибирского царства. М.,1998. Кн.1.
7. *Огородников С.В.* Русская государственная власть и сибирские инородцы в XVI-XVII вв. Иркутск, 1920. С.12.
8. Русская Историческая Библиотека (далее-РИБ) СПб.,1875. Т.2. Стб. 103-120.
9. *Сергеев В.И.* Первые сибирские города, их военное, экономическое и культурное значение // Вестник истории мировой культуры. 1960. №3 (21).
10. *Солодкин Я. Г.* О некоторых аспектах генезиса воеводского управления в «сибирской земле» // Былые годы. Российский исторический журнал. 2015. Вып. 35. № 1. С.41-47.
11. *Шунков В.И.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVI-начале XVIII вв. М.,1946.